

УДК 070(09)

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-81-91

Русская публицистика XVII в. (патриарх Никон как традиционалист)

Андрей В. Каравашкин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, karavash2008@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема соотношения индивидуальной творческой манеры патриарха Никона и литературной традиции русского Средневековья. Главным объектом филологического анализа становятся письма Никона к современникам и его обращения к царю по личным и злободневным вопросам. Последние имели и широкое общественное звучание, поскольку касались отношений светской и церковной власти, будущего церковных реформ, отношений России и православного Востока. Автор статьи приходит к выводу, что сочинения известного новатора и реформатора церкви соответствовали консервативному литературному обычаю и в большинстве случаев отвечали требованиям древнерусской книжной культуры.

Ключевые слова: публицистика, литературный обычай Средневековья, эпистолография, послания, литературная культура

Для цитирования: Каравашкин А.В. Русская публицистика XVII в. (патриарх Никон как традиционалист) // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 11 (44). С. 81–91. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-81-91

Russian publicism of the 17th century (Patriarch Nikon as a traditionalist)

Andrey V. Karavashkin

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
karavash2008@yandex.ru*

Abstract. The article deals with the issue of correlation of the individual creative manner of Patriarch Nikon and literary tradition of the Russian Middle Ages. The main object of philological analysis are Nikon's letters to contemporaries and his appeals to the Tsar on the personal and topical issues. The author comes to the conclusion that the famous innovator and reformer of the church as a writer and publicist corresponded to the conservative etiquette of the ancient Russian book culture.

Keywords: publicism, etiquette of medieval literature, epistolography, letters, literary culture

For citation: Karavashkin AV. Russian publicism of the XVII century (Patriarch Nikon as a traditionalist). *SUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;11(44):81-91. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-81-91

Патриарх Никон, реформатор Церкви и один из лидеров беспрецедентной «справы» середины XVII в., как знаток книжности и образцовый писатель не уступал своим главным противникам – старообрядцам. Никон-проповедник и автор посланий смело может быть отнесен к традиционалистам. Протопоп Аввакум в этом смысле выглядит даже большим новатором: увлечение разговорной стихией давало о себе знать у пустозерского сидельца почти в каждом сочинении. Впрочем, и Никон порой был способен к реалистической манере повествования, предполагавшей и сниженную профанную речь, и наглядность художественной детали. Не случайно описание тесноты, физических неудобств, болезненных состояний у Никона и Аввакума очень близки. Так Никон говорит о своих бедах в ссылке, обращаясь к царю в письме 1671 г. [1 с. 232]. И все-таки для патриарха это скорее исключение, чем правило.

Послания и проповеди – ведущие лирические жанры XVII века. Они не утратили свою традиционную природу, то есть были насы-

щены отсылками к авторитетным текстам, сохраняли основу суггестивных средств воздействия на адресата и речеповеденческие тактики, которые сложились еще на заре церковной книжности Древней Руси, в XI–XII вв. Книжным приемам не мешал даже личный или деловой характер переписки. Один из самых ярких лидеров «переходной» эпохи в этом смысле оставался в русле многовековой традиции. Некоторые из его посланий и челобитных представляют исключительный интерес именно как примеры глубокого усвоения этоса и литературных особенностей древнерусских пастырских поучений.

Исследовательница эпистолярного наследия Никона С.К. Севастьянова приходит к выводу:

Патриарх Никон по духу и убеждению, образованности и стилю письма – традиционалист. Он был начитан в святых отцах и превосходно знал Священное Писание; Никон прекрасно ориентировался в церковном и светском законодательстве. В то же время патриарх, судя по богатейшей библиотеке Воскресенского монастыря, проявлял интерес к античным авторам, мировой истории, к медицине, астрологии. Однако в эпистолярных текстах Никон никак не использовал своих познаний в этих областях [2 с. 239].

Как образцовый древнерусский книжник автор посланий сосредоточен на скриптурных текстах: большинство примеров, цитат, аналогий, образов, сюжетов он заимствует именно из библейских книг. При этом Никон приспособливает вечные истины и ситуации к современному контексту таким образом, что цитата порой служит точкой отсчета для описания обстоятельств более драматичных, нежели те, что изображаются в священном первоисточнике. Так, в послании царю «об опечатании на Московском подворье писем и бумаг» патриарх замечает:

Аще и я, по долгу своему, прощения от тебя, великаго государя, чрез писание просил, в них же яко человекъ согрешил, по заповеди Господни, рекшей: «Аще принесеши даръ свой ко олтарю и имать не-что брат твой на тя, остави ту дар и шедмирисясо братом своимъ» (Мф. 5, 23–24)¹. Аз же не яко брат, но яко последний богомолецъ вашъ. Ты же, великий государь, чрез спальника своего Афанасия Ивановича Матюшкина прислал свое милостивое прощение. Ныне же слышу,

¹ Здесь и далее ссылки на Новый Завет приводятся в тексте цитируемых источников в скобках.

многотвориши не яко прощеному, но яко последнему злодею: худыя моя и смиренныя вещи, иже суть в келье остались, и писма, в них же много таинство, егоже никому от мирских ведать [2 с. 389].

Иными словами, Никон не столько комментирует авторитетную цитату, сколько избирает ее в качестве исходного смыслового и эмоционального импульса для своих рассуждений. Эта особенность отсылок к библейским первоисточникам типична для эпистолярного наследия Никона, что уже было отмечено исследователями, занимавшимися особенностями экзегезы этого патриарха XVII в. [3 с. 1019].

Такая речеповеденческая тактика, как апелляция, получает у Никона многообразные риторические и художественные функции. Особенно заметными выглядят евангельские аллюзии в деловом контексте, там, где сходятся вечные нравственные принципы и повседневность. В челобитной Алексею Михайловичу от сентября-октября 1673 г. читаем:

А что было твоего, великого государя, жалования, милости ко мне, богомольцу твоему, и то истоших алчным, жадным, странным, нагим, босымъ, в темницы за ваше, государево, душевное спасение и телесное здравие. Да в день судный з десными стояние ваше будет, и да сподобитесь слышати сладкий глас Господень, реченный: «Приидете, благословении Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царство от сложения мира: взалкахбоя, и дасте ми ясти» и прочее (Мф. 25, 34–36). И сиих ради не остави и нас алкати, вели, Господа ради, давать с Шексны реки, з Богословского езу (ез – плетни, частокол в реке для ловли рыбы. – А. К.), рыбки длинные, что было дано мне, богомольцу твоему, на препитание в Воскресенском монастыре. <...> Да пожалуй, Господа ради пришли яблочекъ, сколько тебе, великому государю, Богъ известит, а я того благословения Божия седьмой год не едал, потому что здесь не родятся, да и купить негде и нечем, понеже не могу сокровиществовати чрез заповедь Божию, глаголющую: «Всякому, просящему у тебе, дай» (Лк. 6, 30). И сего ради раздах [2 с. 495].

Личная житейская просьба сочетается в челобитной с мыслями о воздаянии на Страшном суде, заботы повседневности и ее тяготы – с размышлениями о непреходящем значении евангельских заповедей. Во время ссылки Никон часто писал челобитные, благодарственные послания и пространные поучения эпистолярного характера, адресованные царю Алексею Михайловичу и его семье. Конечно, в большинстве челобитных богословские размышления

отсутствовали. Тем интереснее, что в отдельных случаях речеповеденческие тактики высоких жанров заявляли о себе по самым, казалось бы, непримечательным поводам. Изверженный из священства Никон благодарит царя за милости и просит о помощи, объясняя свое бедственное состояние издержками на помощь бедным и страждущим. Хотя речь идет всего лишь о присылке яблок и о праве пользоваться плетнями для ловли рыбы, евангельские слова должны напомнить о долге каждого христианина.

Излюбленным приемом Никона была ретроспективная историческая аналогия – одна из констант древнерусской литературы. Она связана с таким важным принципом средневековой книжности, как *подобие* [4 с. 183–184]. Всему в мире соответствует образец. Как текст восходит к готовым формам, так и сама жизнь опирается на ситуации прошлого. Правдивость заключается не в отражении реальности, а в следовании должному, тому, что уже существует как эталон и мера. В своей жизни Никон видит лишь повторение прежде бывшего. Правда, образцы для подражания он выбирает самые высокие, способствуя тем самым сакрализации автобиографического дискурса. В письмах Алексею Михайловичу Никон сравнивает суд над собой с осуждением Христа иудеями, а также не забывает о событиях из жизни апостолов Петра и Павла. Патриарх также проводит аналогии между своей судьбой и памятными для всех христиан изгнанием Иоанна Богослова на Патмос и гонениями на Иоанна Златоуста. В письме Паисию Лигариду Никон кроме уже приведенных примеров обращается к историям Афанасия Великого и Григория Богослова. В письме Никите Алексеичу Зюзину появляются сопоставления с похожими ситуациями в житиях Василия Великого и российского митрополита Филиппа (Колычева) [5 с. 61–62; 6 с. 70–71].

Иногда адресант царя прибегает к толкованию образов, их развитию, что роднит этот прием с речеповеденческой тактикой метафоризации, предполагающей не прямое понимание символов и предметов. «Солнце» и «дождь» уподобляются словам и милости государя, которые не бывают напрасными. На страницах благодарственного письма Никона царской семье от 1673 г. есть такое сравнение:

Да и вы оставление примете от Господа Бога, глаголющего: «Оставьте и оставится вам» (Лк. 6, 37). И паки: «Блаженными милостивии, яко типомиловани будут» (Мф. 5, 7). Божие есть слово се и не изможет, якоже и Самъ Господь свидѣтельствуе, глаголя: «Небо и земля прейдет, словеса же Моя не имуть прейти» (Лк. 21, 33). Такоже и ваши, государевы, глаголы от истины неизменны бывають, якоже солнце не

умалается своего кола и не изменяется своя теплоты и светлости, ни истощается изливанием лучь, или якоже благополучный дождь, сходяи от небесе, не обратится, дондеже не напоить землю и плод благь сотворит. Также и ваша, государева, милость не обращается тща, дондеже произыдет в дело [2 с. 484].

Неоднократно сравнивает царя с солнцем и Симеон Полоцкий. Отметим, что уподобление царя солнцу становится одним из общих мест культуры русского барокко и заявляет о себе в весьма неожиданных контекстах. Так, при постановке балета «Орфей» Алексей Михайлович должен был услышать хвалебные стихи в свою честь, в том числе сравнение монарха с солнцем, луной и звездами. Стихи известны нам в изложении Якова Рейтенфельса [7 с. 34, 41–42].

В обличительном послании архиепископу вологодскому Симону Никон разъясняет значение слова «церковь» (метафоризация²) и одновременно опровергает ложное мнение, присовокупляя к этому и уничижающие адресата обороты речи, и детали быта, и апелляцию в виде цитаты, и ряд ретроспективных исторических аналогий, восходящих к Ветхому и Новому Заветам:

И то ты, чернец, забыв Священное Евангелское приточное наказание фарисейское, паки и другое о малом сущце во очеси брата и в своем глазе берна не чуеши: «Лицемере! Измипервиберноизо очесе твоего и потом да уразумееш и братнисучщыизимати» (Мф. 7, 5; Лк. 6, 42). Забыл еси то, какъ ты в Александрове монастыре на кобыле пахивал? И ныне содомиты полнь двор твой, и зденарицаешь каменные стены церковию: оба полы полны содомитов, горшивсякия ереси, ибо всякой ереси Богътерпитъ, а Содому и Гомору не к тому, но огнемъ и камениемгорящимъ всю они землю погубить и растлил, и курение дыма оного и до днесь курится во страх то всем творящим. «Лицемере, очисти первеевнутренаясткляницы и блюду, да и внешняя тебе будутъ чиста» (Мф. 23, 26). Мню, яко мало чтеши Священного Писания и разумеши. Церковь бо не стены каменные и древяныя, но закон и собрание благочестивых людей, якоже и во Священном Писании Павел апостоль писал в посланиих своих разным Церквам, и святыи апостоль Иоанн Богословъ во Апоколеписе разным же Церквам: не зданию и стенам сущим, но собрание множество народа, веровшим Христу Богу нашему. Павел и Сила, в темнице молящся, получиша прощение (Деян. 16, 25–34). Фарисей, во церкви молящся, осудися (Лк. 18, 10–14) [2 с. 510].

² О понимании свойств Церкви русскими книжниками конца XVII в. см.: [8 с. 135–154].

Показательно, что в послании Симону все фигуры речи и приемы служат одной цели: раскрыть источник греха, заключающийся, по мнению Никона, в духовном невежестве, в неспособности видеть истину, в материальной приземленности («в Александрове монастыре на кобыле пахивал»). Симон забыл Священное Писание, подменил подлинную суть церковного учения грубыми признаками внешнего благочестия. Отсюда появляется необходимость объяснить, ссылаясь на полноту мысли апостола Павла, что Церковь есть не здание с каменными или деревянными стенами, а собрание духовно близких людей, есть суть веры, а не материальный объект, есть спасительная связь с высшим началом, а не место, где выставляют напоказ внешние добродетели. Поэтому молитва Павла и Силы в темнице оказалась действеннее молитвы фарисея в храме. В темнице произошло чудо освобождения от плена, а фарисей был поставлен духовно ниже мытаря и осужден.

Часто патриарх прибегает к опровержению ложных мнений, что придает его эпистолографии полемический характер. В послании царю Алексею Михайловичу 1675 г. Никон рассказывает о распространении в Кириллове монастыре капитоновской ереси. Опальный иерарх не только излагает суть ошибочных суждений, но и дает подробное описание неправедных деяний одного из монастырских «вкладчиков», капитоновца Александра Боркова, который способствовал опасному уклонению обители в ересь: «А они, архимандрит з братьею, о том к тебе, великому государю, не пишут. А какъ, государь, та ересь умножится, и у них то же будет, что и в Соловках» [2 с. 527].

Как видим, Никон по-прежнему исповедует свои взгляды на реформу Церкви, а его подробный отчет о состоянии дел в монастыре (отчет, адресованный самому царю) служит и подтверждением лояльности, и знаком того, что экс-патриарх, сильно разочаровавшийся в греческом духовенстве, не пересмотрел своего отношения к церковным реформам по существу. И в этом смысле он и после осуждения на соборе 1666–1667 гг. остается сторонником государя:

Да у них же, государь, в Кириллове монастыре есть вкладчикъ Александръ Борков, а ереси держится капитонские и исправленные книги называет еретическими, а меня, богомольца твоего, называетъ антихристом. А я несть антихристь, аще и грешеньсмы, но благодатию Божиею совершен христианин и святым крещением просвещен, а антихристь егдаво свое время будетъ, аще что и сотворит – все по привидению и ложным действом. А тебя, великого государя, называет онъ, Александръ, изумившымся и прельстившымся того ради, что ты, великий государь, святая книги почитаешь, справлены с старогрецкихъ [2 с. 525–527].

Однако это не означало, что конфликт между царем и патриархом был исчерпан. В письмах Никон неоднократно вспоминает про несправедливость тех, кто не посчитался с законной суверенностью его духовной власти. При этом в текстах Никона заявляет о себе порой конвенциональная модель мученичества за Христа. Отметим, что тогда же этот вид типичного объяснения становится излюбленным способом интерпретации гонений у сторонников Неронова и Аввакума. То есть у реформатора Никона и его противников обнаруживаются общие культурные коды, которые мы вправе отнести к числу фундаментальных для русской средневековой книжности. В послании письмоносцу иерусалимского патриарха Савве Дмитриеву Никон замечает:

И паки самому Господу глаголющу: «Прежде же сихъ всех возложать на вы руки своя и изженуть, предающе на сонмищи и темницы, ведоми ко царемъ и владыкамъ имени Моего ради. Прилучит же ся вам во свидетелство» (Лк. 21, 12–13). И все, еже о насъ, збытся, и несть лепогневатися намъ на царя и владыки, и боляръ, яко тако писано есть, и тако подобаетъ всемъ писаннымъ скончатися. Ихъ время пришло, что мучити, а намъ, Христа ради и святыхъ Его ради заповедей, мучитися. Злопостражи, яко добръ воинъ Христовъ! [2 с. 595].

В евангельских пророчествах Никон видит предсказание о будущих мучениях за веру. На этот раз патриарх примеряет обещанный подвиг к себе и своим сторонникам, готовым страдать от действий светской власти.

Порой в текстах Никона заметны и такие традиционные жанрообразования, как видения и знамения. Например, в челобитной Никона от июня 1652 г. – еще в бытность его новгородским митрополитом – царю Алексею, царице Марии Ильиничне и царевнам находим описание сна, в котором Филипп Колычев представлен лежащим в раке. При этом образ его подобен иконописному и просветлен. Святой Филипп пробуждается и обращает слова поддержки сокрушенному Никону:

Мало ми воздремавшу, и се вижу святаго отца Филиппа митрополита по обычаю в раки лежаща. И отъкрывъ самъ покровъ, на немъ лежащий, вельми светло святое лице его явися таковообразомъ, яко пишется на иконе [2 с. 366].

Вслед за этим Никон рассуждает о том, что Бог «о святей велицей соборной церкви святой свой промыслъ показатии мать, и добраго намъ, словеснымъ Его овцамъ, пастыря дати...» [2 с. 366].

Итак, здесь также развит традиционный книжный топос «пастырь / овцы / волки». О значении этой топики писали С.К. Севастьянова и Г.М. Зеленская [6 с. 91]. Стоит обратить внимание на то, что в этом случае мы встречаемся с одним из наиболее ярких проявлений древнерусского литературного обычая. Евангельская притча о пастыре, наемнике и угрожающем овцам волке (Ин. 10, 11–16) была настолько популярна в Средние века, что ее присутствие в текстах может быть одним из показателей принадлежности памятника к христианской традиции как таковой. Но именно в русской средневековой книжности эта символично-метафорическая образность стала применяться к государству и «делам земским», на что обратила в свое время внимание В.П. Адрианова-Перетц [9 с. 97–102]. В Русском государстве «пастырь добрый» и «наемник» стали обозначать оппозицию истинного государя-помазанника и его антагониста – тирана или врага христианства. Традиция эта прослеживается от «Послания на Угру» Вассиана Рыло до «Вертограда многоцветного» Симеона Полоцкого.

Челобитная Никона написана после смерти патриарха Иосифа. Таким образом, сон оказывается в руку, служит знаком возвышения: ведь Филипп в пророческом видении призывает именно Никона, который демонстрирует богобоязненное смирение, замечая: «А еже бес пастыря быти надолзе стаду Христову – многая беда отъ волкъ есть душетленныхъ» [2 с. 366].

27 февраля 1654 г. в письме Алексею Михайловичу Никон описал чудесное явление огненного столпа в Иверском монастыре:

Прежде нашего пришествия в ваше, государево, богомолье, в новой монастырь Пресвятыя Богородицы Иверския и святаго священномученика и исповедника Филиппа митрополита, от четвертка против пятка в нощи в третий часъ бысть над монастырем тем знамение страшно: столпъ огнень явился от земли до небеси, и от того огненаго столпа окрестъ светъ облиста великъ зело версты по три и по пяти, и по десяти, и по дватцати и боле, яко во дне светится всему. Мнози по деревням от необычнаго того света в страх впали... [2 с. 371].

Символические жанры в контексте эпистолярного наследия Никона отвечают как традициям иконописи и агиографии, так и публицистическим интенциям автора, который использовал видения для того, чтобы выразить собственное отношение к важным вопросам современности [2 с. 163]. Этот подход лежит в русле традиции видений и знамений Древней Руси и тесно связан с литературной практикой «переходного» века.

Итак, мы можем констатировать не абстрактную априорную принадлежность Никона к древнерусской литературной культуре, но точное совпадение его творческой манеры с основными приемами и речеповеденческими тактиками литературного обычая Древней Руси.

Литература

1. Демин А.С. Реально-бытовые детали в Житии протопопа Аввакума (к вопросу о художественной детали) // Русская литература на рубеже двух эпох (XVII – начало XVIII в.). М.: Наука, 1971. С. 230–246.
2. Севастьянова С.К. Эпистолярное наследие патриарха Никона: Переписка с современниками: Исследование и тексты. М.: Индрик, 2007. 776 с.
3. Патриарх Никон. Труды / Науч. иссл., подгот. док., сост., общ. ред. В.В. Шмидта. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 1264 с.
4. Сапожникова О.С. Иоанн Златоуст и митрополит Филипп (к вопросу об образах, прообразах и моделях) // Книжные центры Древней Руси: Книжники и рукописи Соловецкого монастыря. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 183–213.
5. Севастьянова С.К. Патриарх Никон и митрополит Филипп (Колычев): к вопросу о жизненных ориентирах и подобию // Соловецкое море. 2010. № 9. С. 61–73.
6. Севастьянова С.К., Зеленская Г.М. Патриарх Никон и святитель Филипп, митрополит Московский: опыт комплексного исследования // Palaeoslavica. 2015. Т. 23 / 2. С. 69–164.
7. Черная Л.А. Придворная культура Алексея Михайловича: от Артаксеркса до Орфея... // Исторический вестник. 2013. Т. 3 (150). С. 24–47.
8. Севастьянова С.К. Символично-аллегорические определения и метафорические образы Церкви в новонайденном сочинении конца XVII в. о Патриархе Никоне // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 4 (59). С. 135–154.
9. Адрианова-Перетц В.П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1947. 188 с.

References

1. Demin AS. Reality and everyday details in the Life of Avvakum (On the question of an artistic detail). *Russian literature at the turn of two eras (17th – beginning of 18th century.)*. Moscow: Nauka Publ.; 1971. P. 230-46. (In Russ.)
2. Sevast'yanova SK. Epistolary heritage of Patriarch Nikon. Correspondence with his contemporaries. A study and texts. Moscow: Indrik Publ.; 2007. 776 p. (In Russ.)

3. Patriarch Nikon. Works. Scientific research, preparation of documents for publication, comp., general editorship VV. Shmidt. Moscow: Moscow University Publ.; 2004. 1264 p. (In Russ.)
4. Sapozhnikova OS. John Chrysostom and Metropolitan Philip (on images, prototypes and models). *Book centers of Ancient Russia. Scribes and manuscripts of the Solovetsky monastery*. Saint-Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ.; 2004. P. 183-213. (In Russ.)
5. Sevast'yanova SK. Patriarch Nikon and Metropolitan Philip (Kolychev). To the question of life orientations and the likes. *Solovetskoe more*. 2010;9:61-73. (In Russ.)
6. Sevast'yanova SK., Zelenskaya GM. Patriarch Nikon and St. Philip, Metropolitan of Moscow. An essay of comprehensive research. *Palaeoslavica*. 2015; 23(2):69–164. (In Russ.)
7. Chernaya LA. Alexei Mikhailovich court culture. From Artaxerxes to Orpheus... *Istoricheskii vestnik*. 2013;3(150):24-47. (In Russ.)
8. Sevast'yanova SK. Symbolic and allegorical definitions and metaphorical images of the Church in the new composition of the late 17th century about Patriarch Nikon. *Vestnik PSTGU. II Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*. 2014;4 (59):135-54. (In Russ.)
9. Adrianova-Peretts VP. Essays on the poetic style of ancient Russia. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ.; 1947. 188 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Андрей В. Каравашкин, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; karavash2008@yandex.ru

Information about the author

Andrei V. Karavashkin, Dr. in Philology, professor, Russian State University for the Humanities; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; karavash2008@yandex.ru